

ЛАТИНСКОЕ *PRĪVUS*: СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ГНЕЗДА

В статье предлагается анализ семантического поля этимологического гнезда, включающего и лат. *prīvus*. Реконструкция семантической структуры этимологического гнезда и.-е. основы **prījo-*: **prījā-* дает основание по-новому взглянуть на «нетипичное соотношение» (Э. Бенвенист, Ю. С. Степанов) в нем значений «приятный, любить» и «свободный». Результат анализа семантической структуры этимологического гнезда и наличие типологически подобных примеров позволяют рассматривать взаимодействие значений ‘близкий, свой, личный’ (аффективный вариант ‘дорогой, любимый’) и ‘особый, отдельный’ (→ ‘свободный’) как сохранившийся языковой след формирования оппозиции «свой – чужой» через промежуточный этап «другой/отдельный».

Ключевые слова: семантическая структура, этимологическое гнездо, оппозиция «свой-чужой»

Семантическая структура латинского *prīvus* достаточно прозрачна и позволяет предположить развитие семантики от ‘отдельный’, ‘каждый порознь’ к значениям ‘особый, собственный’ (*priva trīgēmis*) и ‘лишенный, не имеющий’ (*privus verae ratiōnis*), ‘свободный, освобожденный’ (*privus militiae*). Эти же значения реализуют производные: *prīvo*, *āre* ‘отнимать, лишать’, ‘избавлять, освобождать’, *prīvātus*, *a*, *um* ‘частный, находящийся личной собственности’, *prīvātio*, *ōnis* f ‘лишение, отнятие’ (*lucis*), ‘освобождение или отсутствие’. Принятая для *prīvus* реконструкция формы – **prei-uos* – поддерживается умбр. *prever* ‘singularis, одиночный, отдельный’, *preve* ‘singulariter, отдельно, поодиночке’, оск. *preivatud* ‘*prīvātō*, частным образом’ (W.-H. II: 364).

Этимологические связи в родственных языках однозначно не определяются. С одной стороны, ряд лингвистов (Vroehde, Bechtel, Fick) сближает лат. *prīvus* с гот. *freis*, англосакс. *frēo*, др.-в.-нем. *frī*, нем. *frei* и кимр. *rhydd* (< **prījos*) ‘свободный’ (W.-H.: 364). С другой стороны, полагают, что данная кельто-германская изоглосса – развитие значения от ‘lieb’ к ‘frei’ – невозможна, «weil dann letztere von got. *frijon* ‘lieben’, ahd. *friund* ‘Freund’ zu trennen wären» (против чего Uhlenbeck, Walde-Pokorny) (W.-H. II: 364). Э. Бенвенист считал кельто-германскую

изоглоссу со значением 'свободный' эксклюзивной, не соотносил с ней лат. *prīvus*. Он отмечал разрыв в семантике между гот. *frijōn* 'любить' и *freis* 'свободный' и полагал, что «эта своеобразная лексическая ситуация заставляет предположить, что переход *freis* к значению 'свободный' в готском вызван влиянием кельтского, в котором **prīios* значило только 'свободный'». И далее Э. Бенвенист делал вывод: «Эволюция от индоевропейского значения 'свой, личный, дорогой' к значению 'свободный', выявляющаяся в кельтском и в германском, должна быть объяснена исключительным положением какой-то одной общественной прослойки. То, что было личной характеристикой аффективного порядка, стало как бы знаком взаимного отличия, которым обмениваются члены социальной группы «благорожденных» (Бенвенист 1995: 215). Ю. С. Степанов поддерживает точку зрения Э. Бенвениста о кельтском заимствовании в германских языках: «Соотношение значений «приятный, любить» и «свободный» кажется нетипичным (именно оно и возникло, как полагают, в германских языках под влиянием кельтских)» (Степанов 2001: 137).

Действительно ли как «нетипичное» следует оценивать соотношение значений 'приятный, любить' и 'свободный', если учесть структуру семантического поля этимологического гнезда, в которое включается лат. *prīvus*?

Латинское *prīvus* следует сопоставить прежде всего с германскими лексемами (кимр. *rhydd* изолированно представлено в кельтских языках, мало информативно в данном случае; хотя, кажется, сюда же др.-ирл. *rīar* (< *prēi-rā*) 'will', 'wish', о чем см.: Lehmann 129 со ссылкой на Вандриеса). Это сопоставление показывает, что общее у них в семантической структуре не только значение 'свободный', но и привативное. Наличие такого значения у англ. *freedom* проявлено, например, в исследовании концепта «свобода» А. Вежбицкой. Она идет вслед за И. Берлином и Ч. Тейлором, рассматривая «позитивное» и «негативное» понимание «свободы» как противопоставления реально осуществляемого контроля и права выбора: по-английски можно говорить не только о «свободе чего-л.» (*freedom of*) или «свободе нечто делать» (*freedom to*) как о чем-то желательном, но и о «свободе от (*freedom from*) чего-то нежелательного (в то время как *liberty*, подобно лат. *libertas*, не принимает «отрицательные» («привативные») дополнения) (англ. *freedom* близко по внутренней форме рус. *свобода*). (Вежбицкая 2001: 237).

Германские лексемы со значением ‘свободный’ (англ. *free*, нем. *frei* и др.), в свою очередь, включаются в одно этимологическое гнездо вместе с гот. *frijôn* ‘любить’, *friapwa* ‘любовь’, др.-исл. *fríðill* ‘возлюбленный, любовник’, нем. *freien* ‘сватать’, гот. *frijonds* ‘друг’, нем. *Freund* и под.). Генетически близкая лексика представлена и в славянских языках: слав. **prĭjati* в чеш. *přati*, *přiti* ‘желать добра, быть расположенным к кому-л.’, польск. *(s)przycić*, в.-луж. *prěć*, *prăć*, н.-луж. *psaś* ‘благоприятствовать, желать’. В русском языке имеем отмеченное в словаре В. Даля *прійаю*, *прійати* ‘относиться благожелательно, с любовью’, *пріянь* ‘благодарушие, благожелательство, любовь, милость’, диал. (орл.) *пріянь* *кого* ‘приласкать, приголубить’, литер. (не)приянь, *приятель* и их соответствия в русском и других славянских языках (Фасмер III: 369–370; Даль III: 1217). Об исторической глубине и исходном значении членов этой генетически близкой группы свидетельствует родственная лексика индоиранских языков: скр. *prīyā-* ‘приятный, милый, любимый, ценный, дорогой, любящий кого-л.’, ‘муж, супруг; любовник; зять’, ‘доброта, благосклонность’; *prīyātā*, *prīyatva-* ‘глубокое расположение, симпатия’; *prīti* ‘любовь, дружба, радость, удовлетворение’; *prīya-saṃvāsa-* ‘совместная жизнь с близкими’; хинди *prīy* ‘любимый’, авест. *frya* ‘дорогой, любимый’ (< и.-е. основа **prĭjo-*: **prĭjā-* < **prāi-*: **prāi-* : **prĭ-*) (Фасмер III: 369–370; Черных II: 68; Machek 399; Lehmann 128; W.-Н. II: 351).

Сравнение англ. *freedom* с генетически близкими гот. *friapwa* (*frijapwa*) ‘ἀγάπη’, скр. *prīyā-* ‘доброта, благосклонность’, *prīyātā*, *prīyatva-* ‘глубокое расположение, симпатия’, др.-рус. *приятель* (*npua-*) ‘приятель, друг’, ‘доброжелатель; тот, кто благосклонен, милосерден к кому-л.’, ‘тот, кто воспринимает и хранит какие-л. достоинства, положительные качества’ (XI–XII вв.) делает понятным наличие у англ. *freedom* в исторически более ранний период значений ‘широта’, ‘щедрость’, ‘великодушие’ (Чосер). А. Вежбицкая, не обращавшаяся к этимологическим связям *free*, *freedom*, не видит связи между старым и новым значением *freedom*: «Очевидно, что старое значение слова *freedom* не имеет отношения к вещам, которые человек НЕ хочет делать, или к потенциальным или реальным попыткам других людей удержать нас от того, что мы хотим сделать» (Вежбицкая 2001: 232–233).

Внутренние генетические связи лат. *prīvus* (< **prei-uos*) с *pro-*, *per-*, арх. *pri-*, давшим в латинском *prae-*, и *prior* (< **pri-iōs*,

срав. ст. к *pri-*) ‘передний’ и ‘ближайший’, ‘прежний, предыдущий’, *prīmus* (< **pri-is-mo-*), *prīscus*, *prīstinus* ‘прежний, старый’ демонстрируют и третью точку семантического схождения (кроме выше названных – привативного и ‘свободный’ в латинско-германской части этимологического гнезда) – пространственную, реализующую исходное значение ‘близкий, ближайший’ (также ‘передний’), получившее преимущественно аффективную окраску в индо-иранских, славянских и германских языках.

Полагаем, что взаимодействие значений ‘близкий, свой, личный’ (аффективный вариант ‘дорогой, любимый’) и ‘особый, отдельный, каждый порознь’ (→ ‘освобожденный, свободный’) в рассматриваемом семантическом поле и.е. **prījo-* : **prījā* связано с тем, что само семантическое поле сохраняет языковой след формирования метаоппозиции «свой-чужой» в варианте «свой – другой/отдельный → чужой». Другие факты индоевропейских языков дают основание для утверждения, что названная оппозиция «свой – чужой» имела промежуточный этап «другой/отдельный», ср. рус. *свене*, *свень* (устар., Ломоносов) ‘прочь, вон, кроме’, др.-рус. *свъне*, *свънь* предл. ‘без, кроме’, нареч. ‘прочь’, ст.-слав. *свънѣ* (с род. пад.), и подобные лексемы в болгарском и сербохорватском обычно связывают с возвратным местоимением (и.е. **sce-*), предполагая исходное значение ‘само по себе’; осет. *xīcæn/xecæn* ‘отдельный’, ‘separatus’, *xīcænj* ‘отдельно’, ‘порознь’ рассматривается как застывшая форма дательного падежа от *xī/xē* ‘свой’, т.е. буквально ‘(существующий) для себя’, ‘für sich’. Семантика ‘уединенный, обособленный’ не является инновацией: осет. *xī/xē* восходит к и.е. местоименной частице *sē* со значением ‘отделение, обособление’ (ср. лат. *sē*, *sēd*, *sē-parare*, *sē-ponere*). Еще пример из осетинского на соотнесенность значений ‘свой’ – ‘свободный’ – ‘отдельный’: *xībar* / *xebaræ* ‘свободный’, ‘предоставленный самому себе’, ‘уединенный, обособленный’ производно от *xī* ‘свой’ и *bar* ‘воля’ (аналогично др.-инд. *svayamvara-* ‘действующий по собственному выбору’, рус. *своевольный*) (Фасмер III: 572; Абаев IV: 196, 198).

По этой же модели, с такой же внутренней формой «существующий для себя/отдельно», образовано литов. *svėčias* (из **svetyo-*) ‘гость’, *svetingūmas* ‘гостеприимство’, рядом *svėtimas* ‘чужой, чуждый’, т.е. *svėčias* ‘гость’ < *‘чуждый, отдельно, для себя (существующий)’, ‘für sich stehend’ (Fraenkel II: 950, 952).

А. Б. Пеньковский на примере выражения *себе на уме* показал исходность значения самоотчуждения или отчуждения другого, которое несет местоименная частица *себе*. Он делает вывод, что эта частица «указывает на то, что субъект действия <...> замыкает себя в своем действии и, будучи полностью захвачен и поглощен им, отчуждает окружающий мир от себя или, замыкая действие в себе, себя отчуждает от внешнего мира, или же отчуждается миром и, оказываясь объектом отчуждения, замыкается в себе и в своем действии» (Пеньковский 2003: 181–182). То есть «Я/субъект» синкретично, в одном языковом знаке реализуется как «объект/субъект отчуждения». Этот и другие отмеченные (и неотмеченные) здесь факты индоевропейских языков дают, как полагаем, основание для утверждения, что становление метаоппозиции «свой – чужой» имело промежуточный этап «другой/отдельный». На пути признания этого промежуточного этапа становления оппозиции «свой – чужой», возможно, находится и решение для дискуссионного до сих пор др.-инд. *arī-* ‘друг’, ‘чужой; чужестранец’ (при хетт. *ara-* ‘друг; товарищ’, *araš aran* ‘друг друга’, осет. *æcægælon* <*æcæg + *ælon ‘чужак’, ‘посторонний’, букв. ‘истинно чужой’, ‘true-stranger’ и др.) (Гамкрелидзе, Иванов II: 755; Абаев I: 101).

Литература

- Абаев I–IV – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 тт. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1989.
- Бенвенист 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Пер с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Вежицкая 2001 – Вежицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки слав. культуры, 2001.
- Гамкрелидзе, Иванов II – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Т. 2.
- Даль III – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. 3-е испр. и доп. изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903–1909 (репринт 1994).
- Пеньковский 2003 – Пеньковский А. Б. *Себе на уме* // Этимология, 2000–2002 / Ин-т рус. яз. Им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 2003. С. 177–187.
- Степанов – Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001.
- Фасмер III – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1964–1973.

- Черных П – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1994.
- Fraenkel П – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1955. Bd. 1–2.
- Lehmann W. P. A gothic etymological dictionary. Leiden: E. J. Brill, 1986.
- Machek – Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- W.-H. П – Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3-te, neubearb. Aufl. von J. B. Hofmann. Bd. II. Heidelberg, 1954.

L. P. Dronova. Latin *prīvus*: semantic structure of etymological family

The article presents an analysis of the semantic field of the etymological family including Latin *prīvus*. Reconstruction of the semantic structure for the etymological family of the Indo-European base *prijo-: *prijoā- provides a new perspective of ‘atypical correlation’ (E. Benveniste, Y. S. Stepanov) between its meanings of ‘pleasant, to love’ and ‘free’. The results of the etymological family semantic structure analysis and presence of typologically similar examples make it possible to consider the interaction between the meanings ‘close, own, personal’ (affective variant ‘dear, beloved’) and ‘particular, separate’ (→ ‘free’) as a preserved linguistic trace of the opposition ‘own vs. alien’ being formed through the interim stage ‘other/separate’.

Keywords: semantic structure, etymological family, opposition ‘own vs. alien’.